

В.В. Брусянин

**Ни живые - ни мертвые (очерки
петербургской жизни)**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.В. Брусянин**
Ни живые - ни мертвые (очерки петербургской жизни) / В.В. Брусянин – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 243 с.

ISBN 978-5-517-99689-3

ISBN 978-5-517-99689-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ственной комнаты, гдѣ жила хозяйка, изъ-за обѣденнаго стола поднялся высокій и худощавый человекъ, съ которымъ я и раньше встрѣчался, но не былъ знакомъ. Заботливо оправиль онъ полы своего темнаго сюртука, щипнулъ пальцами жидкую бородку, кашлянулъ и протянулъ мнѣ костлявую холодную руку. Онъ тихо произнесъ свою фамилію, улыбнулся и предложилъ мнѣ стулъ. Въ это время въ комнатѣ появилась Евлампія Егоровна, въ передникѣ, въ темной косынкѣ на головѣ и съ сокрушеніемъ въ лицѣ.

— Терентьевъ-то вотъ нейдетъ, говоритъ, что его приглашали куда-то на обѣдъ... раньше...

Терентьевъ, студентъ-горнякъ, былъ третьимъ жильцомъ Евлампіи Егоровны, занимая комнату направо отъ входа, рядомъ съ комнатой Ивана Тимофѣича.

Евлампія Егоровна сдвинула на край стола третій приборъ, очевидно, предназначавшійся для измѣнщика Терентьева и, вздохнувъ, добавила:

— Ну, что жъ, Господь съ нимъ... Пожалуйте, господа, пожалуйста — я пирожка вамъ отрѣжу...

Хозяйка усадила насъ за столъ и вышла.

Я посмотрѣлъ на своего новаго знакомаго. Перебирая пальцами бахромѣ обѣлоснѣжной скатерти, которой былъ накрытъ столъ, онъ задумчиво разсматривалъ узоръ на своей тарелкѣ и молчалъ.

— Вотъ такъ въ Петербургѣ-то живешь, живешь въ одной квартирѣ, а знакомства — то и нѣтъ,—началъ онъ, съ трудомъ выдавливая слова. Голосъ его былъ густой, но глухой и робкій, точно онъ не говорилъ, а осторожно пробовалъ какую-то громогласную музыкальную мѣдную трубу, сдерживая напоръ воздуха и надуваясь.

Я согласился съ собесѣдникомъ, что, дѣйстви-

тельно, въ Петербургѣ наблюдается эта особенность общежитія, и онъ поднялъ на меня глаза.

Вотъ и у насъ въ управленіи тоже, сидишь съ чиновниками за однимъ столомъ, въ одну чернильницу мокаешь, ну, разумѣется, какъ зовутъ знаешь, а чтобы знакомство водить, такъ нѣтъ, не знаешь даже, гдѣ они и живутъ-то... Только вотъ и знаю, гдѣ столоначальникъ нашъ живетъ, Игнатій Николаичъ Савинъ: съ бумагами я какъ-то къ нему ходилъ... Ну, да вѣдь у насъ съ нимъ знакомство короткое: пришелъ, поклонился, сѣлъ, взялъ какую-нибудь бумажку, поребѣлилъ ее да и на подпись...

Евламнія Егоровна внесла на двухъ тарелкахъ по куску пирога съ вязигой.

— Кушайте, господа, пожалуйста... Вотъ тутъ и водочка поставлена и портвейнъ, — разводя руками, говорила она.

— И самимъ бы вамъ, Евламнія Егоровна, выкушать, — говорилъ Иванъ Тимофѣичъ, разливая водку.

Мы всѣ чокнулись, поздравляя другъ друга съ праздникомъ, и приступили къ пирогу. Хозяйка, однако, отказалась раздѣлить съ нами трапезу и скоро ушла въ кухню, гдѣ на плитѣ что-то шипѣло.

Иванъ Тимофѣичъ разрѣзалъ пирогъ на маленькіе кусочки и ѣлъ медленно, разсматривая каждую частицу, прежде чѣмъ отправить ее въ ротъ. Покончивъ съ пирогомъ, онъ потянулся было за графиномъ, но послѣ моего отказа отъ водки разлилъ по рюмкамъ портвейнъ.

Хозяйка принесла жаренаго гуся такъ же, какъ и пирогъ, порціями на двухъ тарелкахъ для меня и для Ивана Тимофѣича. Мы выпили портвейнъ. Евламнія Егоровна еще разъ попросила насъ ку-

шать, добавивъ, что если мы съ этимъ покончимъ и гусь понравится — то и еще можемъ попросить. Сообщила она еще и о томъ, почему дешево удалось купить гуся въ Андреевскомъ рынкѣ, и мы снова остались вдвоемъ.

— Вотъ ваша служба совсѣмъ другая, — началъ Иванъ Тимофѣевичъ: — вы все больше дома пишете... Да только, видно, и у васъ не легкая работа! Иной разъ проснешься въ срединѣ ночи, посмотришь на стекло надъ дверью, а у васъ все огонь да огонь... два или три часа ночи, а у васъ все свѣтъ...

Онъ съ лаской посмотрѣлъ мнѣ въ глаза и вздохнулъ. Я объяснилъ собесѣднику, каковъ родъ моей работы и почему я предпочитаю работать ночью. Онъ кивнулъ головой, пристально посмотрѣлъ мнѣ въ лицо и тихо добавилъ:

— Работа эта хорошая, что говорить...

Мы заговорили о газетахъ. Иванъ Тимофѣичъ сообщилъ мнѣ содержаніе романа, который онъ теперь читаетъ въ фельетонахъ уличной газетки, расхвалилъ автора, высказалъ предположеніе, чѣмъ, по его мнѣнію, долженъ кончиться романъ и, повысивъ голосъ, спросилъ:

— А отчего они фамилію свою не выставляютъ? Вотъ и этотъ подъ романомъ-то подписывается А. Тр—въ, а кто онъ такой? что его за фамилія: Трубниковъ-ли, Треплевъ ли, или еще какая?.. Я думаю, такъ какіе-нибудь люди въ большихъ чинахъ подписываются?..

Какъ могъ, я объяснилъ ему мотивы, почему иногда писатели скрываются подъ псевдонимами, и онъ, видимо, не такъ понявъ мое объясненіе, воскликнулъ:

— А-а!.. значить, бываетъ и такъ, что писателю и стыдно полностью-то подписаться подъ своимъ произведеніемъ! Лучше бы тогда ужъ и не

писать!.. Вотъ и въ этомъ-то романѣ, нѣтъ словъ, забавно и интересно все описывается, а какъ прочтешь да потомъ подумаешь на свободѣ — и такая въ немъ чертовщина!..

Мы съѣли супъ и гуся, и Евлампія Егоровна принесла компотъ, до котораго Иванъ Тимофѣичъ оказался охотникомъ. Хозяйка съ блюдцемъ въ рукахъ присѣла на стулъ и начала:

— А вотъ вы, я слышала, говорили, что въ Петербургѣ люди знакомства не водятъ. И я объ этомъ думала — отчего бы такъ?.. Вонъ у меня — года три тому назадъ, въ шестой линіи я жила — парикмахеръ съ женой жилъ, приказчикъ одинъ, да артельщикъ козухинской артели, — такъ тѣ всѣ между собою перезнакомились... Да еще что — ревновать жену парикмахеръ-то сталъ къ артельщику... Нѣтъ, я такъ думаю, что простые люди, не господа, — проще: одному Богу молятся, заскребеть на сердцѣ — такъ и одну пѣсенку затянуть...

Евлампія Егоровна понизила голосъ и почти шепотомъ добавила:

— Вонъ студентъ-то... зовутъ его откушать вмѣстѣ, а онъ... бррр!.. фу ты-ну ты!.. въ сторону... А отчего?.. А оттого, что онъ вонъ бѣлыя перчатки на руки натянетъ, наденетъ на носъ очки съ веревочкой, а Евлампія-то Егоровна весь день въ передникѣ ходитъ, сама и плитку топить, сама и въ комнатахъ прибираетъ... Вотъ оно и выходитъ — перчатки-то у насъ разныя...

Евлампія Егоровна разсмѣялась.

— Такъ ужъ это, людямъ нечего другъ съ другомъ говорить, вотъ они и не знакомятся... Опять же...

— Нѣтъ ужъ, Иванъ Тимофѣичъ! — рѣзко перебила гостя хозяйка: — съ поконъ вѣковъ такъ было и будетъ... Баринъ ли, чиновникъ, мастеровой...

студентъ и тамъ еще кто—всѣ по разному живутъ и разныя у нихъ думы и души-то разныя у нихъ!.. Дядя у меня былъ—дьякономъ въ Андреевскомъ соборѣ служилъ—такъ тотъ, бывало, такъ говорилъ: «Дьяконъ знаетъ въ три раза больше, чѣмъ дьячекъ и въ три раза больше можетъ, священникъ знаетъ больше дьякона въ девять разъ и въ девять разъ больше смѣетъ... Архіерей больше всѣхъ знаетъ и больше всѣхъ смѣетъ»... Вотъ какъ старые-то люди говорили, а онъ, дядя-то, 87 лѣтъ прожилъ, тридцать пять лѣтъ въ одномъ соборѣ дьякономъ прослужилъ!.. Все, значить, отъ знанья, кто больше знаетъ, тотъ больше можетъ.

— По-моему—не такъ!—возразилъ Иванъ Тимофѣичъ.—Вонъ у насъ секретарь управленія развѣ больше знаетъ, чѣмъ нашъ Игнатій Николаичъ Савинъ? всѣ говорятъ, что меньше, а онъ имъ командуетъ... да... А почему?.. Дѣло все въ чинѣ: секретарь-то надворный совѣтникъ, а нашъ столоначальникъ—коллежскій ассессоръ... То же и тамъ—священникъ выше дьякона и больше, значить—и больше смѣетъ, архіерей выше священника... Такъ вотъ и вездѣ: человѣкъ служитъ безъ чина и нѣтъ ему ни хода, ни уваженія, а какъ какой счастличикъ схватилъ хоть первый чинъ—и все-то, все перемѣнится...

— А какъ же тѣ, что безъ чиновъ живутъ? тѣ совсѣмъ ничего не значуть?—спросилъ я, вспомнивъ, что за мною ничего такого не значитъ.

Онъ задумался, посмотрѣлъ на меня и промолчалъ.

— Кто знаетъ... можетъ быть, что-нибудь и не такъ въ нашихъ разговорахъ,—разрѣшила разсужденія Евлампія Егоровна и принялась убирать со стола.

Мы помолчали.

— А вы на гитарѣ не играете?—спросилъ меня Иванъ Тимофѣичъ.

— Нѣтъ.

— А вотъ я купилъ гитару и самоучитель... Только никакъ не могу выучиться по нотамъ, а такъ двѣ-три пѣсенки кое-какъ играю... А вонъ, говорятъ, Игнатій Николаичъ Савинъ хорошо играетъ... Страсть, говорятъ, какъ хорошо играетъ! не удалось только мнѣ его слышать-то...

— Вы уроки бы взяли, — посовѣтовалъ я.

— Ну, гдѣ тамъ еще уроки! Такъ ужъ, вѣрно, пальцы не такъ устроены...

Онъ посмотрѣлъ на свои худые костлявые пальцы, сжалъ ихъ въ кулакъ, поднося ближе къ глазамъ, потомъ снова выпрямилъ ихъ и посмотрѣлъ на ладонь. Послѣ этого онъ принялся грызть ноготь...

— Когда-нибудь надо взять урокъ... Можетъ быть, тутъ самую малость и выучиться-то надо: ладонь научиться прикладывать къ грифу, какъ слѣдуетъ, или пальцами научиться прижимать струны...

Онъ смолкъ и задумался.

Иногда я, дѣйствительно, слышалъ игру Ивана Тимофѣича на гитарѣ, особенно по вечерамъ, когда все въ нашей квартирѣ замретъ и долгіе часы затишья кажутся унылыми и навѣвающими тоску. Иванъ Тимофѣичъ играетъ всегда что-то нудное и скучное...

Мы встали, поблагодарили появившуюся хозяйку за обѣдъ и вышли въ корридоръ.

— Можетъ быть, вы хотите посмотрѣть мою гитару,—началъ Иванъ Тимофѣичъ, когда мы дошли до такой точки корридора, откуда надо было разойтись по своимъ комнатамъ: ему направо, мнѣ налѣво.

Мнѣ показалось, что не гитара—настоящая причина, почему онъ предложилъ мнѣ зайти къ нему. Изъ встрѣчи за обѣдомъ я понялъ, какъ онъ радъ познакомиться съ ближайшимъ сосѣдомъ; я подозревалъ даже, что и разговоръ о петербуржцахъ, не охотникахъ на знакомство, завелъ онъ, поддавшись потребности высказать нѣчто-наболѣвшее въ его одинокой душѣ.

Я высказалъ желаніе посмотреть гитару, и мы вошли въ его темную комнату. Усѣвшись на кровать съ гитарой, онъ долго что-то вертѣлъ колки, ударяя то въ одну, то въ другую изъ струнъ, потомъ опять принимался за колки и, настроивъ инструментъ, вручилъ его мнѣ, говоря:

— Посмотрите, какая она хорошая... Доска нижняя немного со щелкой, но, говорятъ, отъ этого гитара дѣлается лучше: пѣвучей она, говорятъ, дѣлается...

Я взялъ гитару, повертѣлъ ее въ рукахъ, посмотрѣлъ на трещину, благодаря которой гитара стала пѣвучей, и провелъ пальцемъ по струнамъ, пробудивъ въ инструментѣ нестройные звуки. Иванъ Тимофѣичъ улыбнулся.

— Вы, вѣрно, и въ правду не играете, и гитарѣ-то у васъ въ рукахъ не лежится,—замѣтилъ онъ, говоря о своемъ любимомъ инструментѣ, какъ о живомъ существѣ.

Онъ взялъ у меня гитару, положилъ ее такъ, какъ слѣдуетъ класть во время игры, и взялъ на струнахъ нѣсколько аккордовъ. Въ комнатѣ дрогнули звуки, стройные, но робкіе и печальные. Я посмотрѣлъ ему въ лицо. Оно было серьезно и, какъ мнѣ показалось, немного поблѣднѣло, черты его какъ будто разомъ обострились и стали строже, а глаза засвѣтились, точно съ нихъ сняли какую-то матовую оболочку. Онъ еще взялъ нѣсколько ак-

кордовъ, такихъ же грустныхъ и робкихъ, и уставился глазами куда-то въ уголь...

Аккорды смолкли. Иванъ Тимофѣичъ какъ-то стремительно закурилъ папиросу и снова, попыхивая дымомъ, склонился надъ инструментомъ. Хозяйка внесла намъ по стакану кофе съ бисквитами и безмолвно удалилась, словно боясь нарушить молчаніе.

Иванъ Тимофѣичъ наигрывалъ ту самую нудную пѣсню, которую я уже не разъ слышалъ, сидя у себя.

— Что это за пѣсня? — спросилъ я его, когда онъ пересталъ играть.

— А я и самъ не знаю... Петръ Евграфычъ ее игралъ... У насъ чиновникъ такой былъ, онъ еще родственникомъ мнѣ дальнимъ приходился... Вотъ онъ и игралъ, и гитару-то эту я у его жены купилъ... Мѣсяцевъ пять тому назадъ умеръ онъ...

Музыкантъ сильно затянулся папиросой и снова заигралъ что-то новое, повеселѣе...

— А это что? — спросилъ я.

— Эхъ вы, не знаете!.. Это романсъ: «Лови, лови часы любви»...

Онъ положилъ гитару на кровать и замѣтилъ съ сокрушеніемъ въ голосѣ:

— Плохо у меня выходитъ... Надо что-нибудь съ пальцами сдѣлать...

Мы принялись за кофе. Не докончивъ стакана и до половины, онъ вдругъ снялся съ мѣста и, схвативъ гитару, усѣлся на стулъ, ближе ко мнѣ.

— А вотъ эта пѣсня у меня выходитъ...— Аккомпанируя на гитарѣ, онъ не громко запѣлъ:

Сердце ли рвется, воетъ ли грудь—
Пей пока пьется, все позабуди.

Онъ долго пѣлъ, потомъ отложилъ гитару, про-

шелся по комнатѣ, ероша волосы и, остановившись около меня, проговорилъ:

— А знаете ли что... не выпить ли намъ пива... А?.. Я приготовилъ для праздниковъ...

Не дождавшись моего отвѣта, онъ повалился на кровать, запустилъ за нее руку и одну за другою извлекъ четыре бутылки. Потомъ онъ сходилъ къ хозяйкѣ за стаканами, досталъ изъ стола штопоръ съ насаженной на него пробкой, какъ-то спѣшно снялъ эту пробку и спряталъ въ карманъ брюкъ, точно сконфузясь чего-то.

Мы пили пиво. Мною вдругъ овладѣло какое-то странное желаніе: дѣлать по возможности все, что ни предложитъ Иванъ Тимофѣичъ. Я видѣлъ, съ какой охотой занималъ онъ меня своей искусной игрой, я видѣлъ, съ какимъ стараніемъ онъ угощалъ меня пивомъ, словно озабоченный каждую минуту поисками — чѣмъ бы еще занять меня, лишь бы только я не скучалъ и продлилъ свой визитъ. Подливая въ стаканы пиво, Иванъ Тимофѣичъ говорилъ:

— Покойничекъ Петръ Евграфычъ любилъ выпить... Бывало, кто-нибудь скажетъ ему: «Петръ Евграфычъ, пить-то вы пейте, да только мѣру знайте»... А онъ: Что-жъ, согласенъ, только бы мѣра-то побольше была»... Чудакъ былъ!.. славный человекъ... Вонъ, и гитара его лежитъ...

Иванъ Тимофѣичъ покосился на гитару, лежавшую на кровати, и мотнулъ головой, и мнѣ опять показалось, что онъ мотнулъ головою въ сторону живого существа, что вмѣстѣ съ этой гитарой въ его комнатѣ посѣлилась и тѣнь покойнаго Петра Евграфыча, и когда новый обладатель инструмента коснется струнъ и заиграетъ ту нудную пѣсенку, которую любилъ Петръ Евграфычъ, — тѣнь покой-

наго встанеть за спиною музыканта и прислушивается...

— А отчего умерь Петръ Евграфычъ? — спросилъ я.

— Въ чахоткѣ умерь... Пилъ сильно и умерь... Жена осталась, шесть человѣкъ дѣтей, и все такая мелочь... Бывало, и я говорю ему: брось, Петръ, брось!..— «Не могу, говоритъ: вино, веселье и любовь... Веселья у меня нѣтъ, любви тоже при нашей бѣдности не полагается, хоть и жена, и дѣти живы, и остается только — пить»... Такъ, бывало, скажетъ и запьетъ...

Иванъ Тимофѣичъ отпилъ полстакана пива и добавилъ:

— Вотъ мнѣ такъ хорошо! нѣтъ никого и ничего... Умру — такъ вонъ гитара останется... Евлампія Егоровна продастъ ее татарину и Богу свѣчку поставитъ... И будетъ та свѣчка горѣть и... догоритъ...

Голосъ его дрогнулъ, онъ всталъ и прошелся по комнатѣ до окна, отъ окна до двери и обратно. Пощипывая бородку, онъ усѣлся на подоконникъ, и на блѣдномъ четырехугольникѣ окна образовался силуэтъ его длинной и тощей фигуры.

Наступали сумерки, и въ комнатѣ становилось темно. Иванъ Тимофѣичъ поднялся съ подоконника и не громко сказалъ:

— Скучно въ темнотѣ... надо лампу зажечь...

Когда была зажжена лампа, я осмотрѣлся. На столѣ, залитомъ пивомъ, стояли четыре пустыя бутылки и стаканы съ недопитымъ пивомъ. При свѣтѣ лампы комната Ивана Тимофѣича показалась мнѣ еще болѣе не уютной: отъ темныхъ стѣнъ вѣяло чѣмъ-то угрюмымъ, убогая обстановка навѣвала тоску, по комнатѣ носились густые клубы табачнаго дыма, и самъ хозяинъ, немного